

**Презентация школы общины
при участии Его Высокопреосвященства монсеньора Филиппо Санторо
Видеоконференция, Милан, 9 февраля 2022 г.**

Текст: Л. Джуссани. Отдать жизнь ради дела Другого. gTy, или О дружбе». Введение; первая лекция.

Давиде Проспери

Всем добрый вечер! Наконец-то мы снова собрались вместе, чтобы начать работу школы общины над новым текстом, который будет сопровождать нас в эти месяцы: над последней книгой отца Джуссани «Отдать жизнь ради дела Другого». Как я обещал, с нами Его Высокопреосвященство монсеньор Филиппо Санторо, архиепископ Таранто и особый папский легат для *Memores Domini*. Сегодня вечером он познакомит нас с первой частью книги, над которой нам предстоит работать в ближайшие недели вплоть до следующей встречи 23 марта.

Филиппо Санторо

Я бы начал с молитвы, ведь без дара Духа мы не сможем воспринять как весть для нас, как предложение для нашей жизни все то, о чем мы скажем, что сообщим. Поэтому давайте призовем Духа Святого.

*Гимн Святому Духу
Veni Sancte Spiritus*

Я тоже всех приветствую: добрый вечер тем, кто здесь, добрый день и доброй ночи тем, кто находится в других уголках мира. В этот момент мы собрались вместе, чтобы глубже войти в текст отца Джуссани «Отдать жизнь ради дела Другого».

Именно из-за дела Другого я сегодня представляю текст новой школы общины и – прежде всего – сопровождаю *Memores Domini* как особый папский легат по прямой и сердечной просьбе Святейшего Отца.

Я никогда бы и представить себе не мог эти две задачи, настолько серьезные и настолько не вписывающиеся ни в какие мои планы. Мое время уже полностью занято заботой об архиепархии Таранто и социальным служением, кульминацией которого стала 49-я Социальная неделя итальянских католиков, прошедшая в Таранто в октябре прошлого года при участии почти всех итальянских епархий.

Я уже говорил на реколлекциях Адвента для *Memores Domini*, что просьба папы Франциска в моей жизни имеет такой же вес, как и просьба, обращенная ко мне отцом Джуссани в 1984 году, когда он попросил меня отправиться на миссию в Бразилию, предложив мне это очень просто и ясно: «Ты охотно поедешь в Бразилию?» Вот это «охотно» меня и подкупило. Это был прямой призыв. Я чувствовал, что затронута моя свобода, но не в силу долга, а благодаря голосу, который невозможно спутать ни с каким другим и который просил меня вновь полностью вверить себя Тому, Кого я уже начал познавать и Кто предлагал нечто большее для моей жизни. От всего сердца в порыве молодости я согласился, будучи спокойным даже перед лицом жертвы, которая от меня требовалась: я должен был оставить престарелую и больную мать, епархиальные обязательства и множество друзей. Это был вопрос следования за кем-то другим, выходявшего за рамки моих планов. То же самое случилось и с приглашением Святейшего Отца, которое побудило меня вновь ответить во всей моей свободе.

Новая задача началась с неожиданности: меня тут же поразил невероятный свет, исходивший от «да», которое сказали пятьдесят три новиция *Memores Domini*, попросивших меня об окончательном вступлении в ассоциацию: попросивших в свободе, истине и красоте, которые свидетельствуют, что харизма жива. Красивые молодые люди и девушки, делающие карьеру, утверждали, что самый истинный образ жизни состоит в полной отдаче себя Христу,

поскольку именно в Нем – полнота жизни. Этот свет озарял все мои встречи с *Memores*, начиная с домов в Таранто и некоторых регионах южной Италии, затем в Испании, во время видеовстреч с *Memores* из США и, наконец, в Латинской Америке, где я встретился с моими бразильскими друзьями вживую и через Zoom – со всеми остальными.

В этот период вслушивание в жизнь людей предшествует любому, пусть и необходимому, каноническому или юридическому вмешательству. В него вовлекается моя личность, и все это отсылает меня к персональной работе над школой общины, которая придает новый вкус моей жизни и обязательствам, связанным с моим епископским служением. Каждый из нас должен посвящать ей хотя бы десять минут в день, чтобы жизнь обрела новое направление. Без работы нашей свободы невозможен личностный рост. Как у священника и епископа у меня есть литургия, бревиарий, бедные, священники, задача разрешения несправедливого конфликта в Таранто, связанного с защитой здоровья, окружающей среды и труда; но, несмотря на все это, я не отказываюсь от своих ежедневных десяти минут школы общины. Они, безусловно, по-настоящему поддерживают и позволяют дышать полной грудью, но в то же время это работа. В свете новизны, неожиданно охватившей мою жизнь, сегодня я должен кратко представить вам первую часть книги, содержащую упражнения Братства 1997 года.

Многих из нас тогда не было, и потому есть смысл вспомнить об этом уже далеком событии. В отличие от всех предыдущих своих выступлений отец Джуссани в тот раз не говорил спонтанно. Мы привыкли «видеть», как на наших глазах речь «осуществлялась» в прямом эфире, хотя отец Джуссани и опирался на конспект, на записи, на цитаты и письма, которые он собирал в предшествовавшие упражнениям недели и дни, храня в сердце лица своего народа. Из-за осложнений, связанных с болезнью, он решил написать текст выступления и прочитать его на камеру перед небольшой группой друзей. Видео получилось особенно глубоким как раз потому, что текст был продуман слово за словом. Именно над ним мы и будем работать.

Кроме того, по его собственным словам, это выступление выражало содержание зрелого сознания тех лет, вершину его мысли, его способ переживания Тайны и христианского события. Поэтому мы вместе приступаем к этой работе, несомненно требующей немалых усилий, но тем более притягательной и, я сказал бы, почти интригующей.

Введение

Что ж, давайте сначала с большим вниманием подойдем к вступительной странице лекции, потому что в определенном смысле в ней – суть предложения, которое делает нам отец Джуссани.

1. Прежде всего отец Джуссани видит в историческом моменте – смерти Людовика XIV (речь о 1715 годе) – знамение эпохи, в которую **рационализм** окончательно выходит на первый план: человек уже безгранично претендует на то, чтобы быть мерой всех вещей. Я убедился в этом в Таранто, когда ректор Университета Бари, открывая медицинский факультет, превознес в своей речи ценность разума, процитировав философа Протагора, утверждавшего, что «человек есть мера всех вещей». Я же прокомментировал его выступление. Меня просили только преподавать благословение, но я не мог смолчать. И потому сказал: «Ректор процитировал Протагора из Абдер, но мы сейчас в Таранто, столице Великой Греции, на родине философа-платоника Архита, и я не могу не процитировать Платона, который в своих «Законах» утверждал, что «Бог есть мера человека». Одним словом, мы должны защищаться и наступать!
2. Перед лицом господствующего рационализма Церковь отступает: **она укрепила позиции на пастырском уровне**, чтобы защитить нравственность народа», чтобы улучшить жизнь людей.
3. Будьте внимательны! Заниматься пастырской деятельностью правильно, но при этом Церковь **посчитала, что для верующего содержание догматики самоочевидно**. Она словно сказала: «Это мы уже знаем, так что перейдем к действию».

4. Отец Джуссани добавляет: «Это привело к тому, что вера народа Божия не оберегалась и не подпитывалась, поскольку жизнь народа углубляется и порождает что-то с исторической точки зрения **посредством культурной деятельности**, согласно или вопреки христианской традиции, сформировавшей западную цивилизацию».

Остановимся на отрывках, которые я только что привел, чтобы понять, насколько они подходят для прочтения «мира», в котором мы живем, и того способа, каким большая часть Церкви преподносит себя и каким мы и сами представляем себе и проживаем христианское существование.

Во-первых, мы живем в условиях, где разум претендует на то, чтобы быть мерой всех вещей. Не достигли ли мы сегодня момента, когда это притязание приобрело черты, о которых еще двадцать пять лет назад могли говорить лишь немногие пророческие голоса? Даже начало и конец жизни, природа брака, сексуальная идентичность больше не являются «данностью», которую нужно принимать, не исходят от Тайны, а зависят от рационалистической воли человека.

Во-вторых, под нападками рационализма Церковь в своем богословии подчеркивала перед народом этику, «считая онтологию предпосылкой и чуть ли не забывая о ее порождающей силе». Церковь подчеркивает этику: «Ведите себя хорошо», – забыв об онтологии; не забыв, а вытеснив ее на второй план. Таким образом, подчеркивается нравственность, которую каждый переживает согласно собственным соображениям, в соответствии с конкретными обстоятельствами, в которых он живет, в соответствии с собственной чувствительностью. Отсюда и подчеркивание роли Церкви как защитницы семьи и жизни, Церкви как защитницы бедных и социальной справедливости, Церкви как защитницы сексуальной идентичности и морали, Церкви как защитницы окружающей среды, и мы можем продолжать. Для большей ясности уточню: все это важнейшие моменты, но проблемы возникают, когда такой нравственный (или пастырский) аспект становится самой сутью благовестия Церкви. Это все равно, что делать вид, будто скорость поезда развивают вагоны, а не локомотив!

В-третьих, нужно сказать о пренебрежении догматической составляющей, непосредственным содержанием христианской вести. «Дух Движения, которое родилось на моих глазах, – писал отец Джуссани в 2004 году в последнем письме Иоанну Павлу II, – в том, что мы ощутили острую потребность говорить о необходимости возвращения к изначальным аспектам христианства, увлеченность христианским событием как таковым в его самобытных составляющих, и ничего более».

В-четвертых, удивительна и следующая мысль введения: когда догматическое содержание (онтология, скажет Джуссани в лекции) воспринимается как данность, исчезает культурная деятельность, углубляющая и порождающая жизнь народа. Почему важно обратить внимание на эту мысль? Потому что она связывает корни культуры с онтологией, с Бытием, с Событием. Отец Джуссани неоднократно говорил, что культура совпадает с тем, «*ради кого живешь*». Это означает, что защита жизни и семьи, любовь к социальной справедливости, защита окружающей среды и т. д. являются не сердцевинной культурной деятельности христианина, а лишь следствиями признанной и прожитой онтологии.

Прежде чем предложить вам ключ к прочтению двух лекций отца Джуссани, я хотел бы в завершение этого введения – возможно, немного длинного! – остановиться на **методологическом аспекте**, который осознал, вдумчиво читая текст (над этим текстом нужно размышлять с расстановкой). И какой же методологический аспект я хотел подчеркнуть?

Нам незнакомо то, что написано на этих страницах. Давайте исходить из реалистичной гипотезы о том, что мы *думаем* по-другому: мы погружены, погружены с головой в редуцированную версию христианского факта, обличаемую в тексте. Мы думаем, как все, и поэтому так важна работа на школе общины.

Однажды Джуссани сказал группе ответственных (цитирую по памяти): «Ваша проблема касается не последовательности, она не в том, что вы что-то не так делаете. Это проблема менталитета: вы не думаете так, как думаю я». А значит, необходимо обращение менталитета.

Пусть нас не огорчает это суждение; напротив, оно проясняет для нас характер пути, на который мы сегодня вновь вступаем: это **школа**, школа общины. И как в каждой школе, понимание требует труда; тут есть те, кто помогает нам больше других, есть диалог, в ходе которого достижения одного становятся достоянием всех. Поэтому у вас будет возможность задавать вопросы, и в следующий раз мы на них ответим, если что-то в моем выступлении будет непонятно. Это поможет нам заметить моменты изменения менталитета.

Теперь перейдем к первой лекции.

«БОГ ВСЁ ВО ВСЕМ»

1. Начало – в онтологии

Прежде всего хочу отметить, что эта лекция, как и последующие, *изобилует вопросами*. Отец Джуссани один за другим задает вопросы, как раз чтобы выйти за рамки привычного мышления. Он задает самому себе самые радикальные вопросы, вопросы человека, который на пороге Тайны задумывается о тайне своего собственного существования, своего собственного бытия. Время пандемии всех нас подтолкнуло к мысли о тайне нашей жизни. Пандемия затронула нас, мы потеряли многих друзей, многих близких, дорогих людей: как тут избежать волнующего вопроса о Тайне и тайне нашей жизни? Как мне говорить подругой, матерью троих детей, которая потеряла мужа, безвременно умершего от коронавируса, если не предстоять перед Тайной и тайной нашей жизни? Не занимая эту головокружительную позицию, не принимая трудности дороги, работы, мы не воспримем истинность и красоту ответов, которые найдем на пути.

Итак, первая лекция поднимает радикальный вопрос: «**Что есть Бог для человека?**» Ответ нам дает святой Павел: «Бог всё во всем» (*1 Кор. 15:28*).

Следовательно, отправная точка – **в онтологии**; мы отталкиваемся от реальности, как она есть: для человека Бог – это всё!

Но отец Джуссани тут же спешит добавить, что, если «Бог есть всё во всем», это не уничтожает человека (раз Он всё во всем, значит, мы ничто), а превозносит. Он говорит об этом двумя способами.

«„Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?“ – говорится в восьмом псалме. [Джуссани продолжает:] И все же мы являемся тем головокружительным уровнем природы, на котором природа сознает саму себя». «Я» каждого из нас есть **самосознание** вселенной.

Чуть дальше мы читаем: перед этим Господом, Который есть всё, человеческое «я» **жаждет** Его. «Я» жаждет вечности.

Итак, в свете утверждения святого Павла о том, что Бог есть всё, нас характеризуют **самосознание** и **жажда**. Вот суть, онтология, вот величие человека: самосознание и жажда, то есть желание.

2. Нигилизм и пантеизм

Тут отец Джуссани входит в самую сердцевину проблемы и настаивает, что нужно отталкиваться от онтологии: если же Бог есть всё, то что тогда я? Кто ты? Что такое цветы и звезды?

«Реальность, какой она предстает человеку, сотворена Богом, „из“ Бога [Он есть содержание реальности]. Бытие созидает из ничего, то есть передает Себя», дает бытие всем вещам. Чуть дальше Джуссани скажет, что оно творит человека как «сущее по причастности».

«Таким образом мы понимаем, что реальность зависима, а иными словами, что *реальность не творит саму себя*» (как мы постоянно повторяли в эти годы, возвращаясь к десятой главе «Религиозного чувства»).

Тем не менее человек не удерживается в этой головокружительной позиции (что он в настоящий момент не творит себя сам). Вместо изумления, вместо самосознания и жажды у него возникает «соблазн думать, будто вещи – иллюзия и ничто». Вместо самосознания и жажды – соблазн провалиться в ничто.

Так в нашу жизнь крадываются два великих искушения, сотрясающие нашу жизнь, как они пронизывали и сотрясали всю историю человечества:

- **нигилизм**, для которого вещи, которыми ты обладаешь, люди, с которыми живешь, – ничто. Точнее, они не ничто, а не имеют конечного содержания;
- **пантеизм**, для которого «я» – невычленимая часть целого, «великое море бытия», которое окончательно поглотит нас в день смерти. Это безразличное, неразличимое растворение нашего бытия, исчезновение в ничто, тогда как каждый из нас желает личной вечности, тогда как я желаю, чтобы моя жизнь продолжалась.

Разумеется, речь идет не о теориях, а о «практических» позициях, в которые мы неизбежно скатываемся.

Каковы же экзистенциальные последствия нигилизма и пантеизма? Здесь отец Джуссани делает шаг, сначала удивляющий нас, но при внимательном рассмотрении он становится лучом света, обнажающим динамику жизни, как общественной, так и личной. «Если человек перечеркивает содержание [собственного] опыта, говоря о себе, либо что он ничто [нигилизм], либо что он лишь невычленимая часть всеобщего бытия [пантеизм], то вне его нет ничего, он единственный господин самому себе [сам определяет свою жизнь]».

В результате в механическом столкновении с обстоятельствами все, что остается – это осуществление **власти**, природа которой двойственна:

- это власть, «склонная к диктатуре, утверждаемая как единственный источник и форма порядка, пусть эфемерного, но возможного». Это, конечно, относится *к тем немногим, кто ее добивается*. Зрелище такой власти мы имеем перед глазами: от сильной экономической власти, управляющей миром, до власти судебной системы или газет, до гротескного персонализма многих наших партийных лидеров;
- но *большинство, конечно, до власти не доходят* и остаются жить в рабстве: они рабы чужой власти. Если вещи не обладают конечным содержанием, господствует тот, у кого больше власти.

Тут отец Джуссани предупреждает нас: имеется в виду не только государственная или региональная власть. «Чем меньше сообщество, к которому человек принадлежит, чем оно теснее, тем больше зависимость от того, кто в нем наделен властью». Это должно обратить наше внимание на то, как мы живем в нашей семье, в компании, где мы работаем, даже в нашей общине или группе Братства. Любые отношения становятся властью и насилием. Следовательно, утверждение о том, что все сводится либо к нигилизму, либо к пантеизму, не безобидно, оно говорит о маленькой великой власти, подменяющей принятие другого как дар Бытия, как дар, отсылающий к Тайне, стоящей у истоков всех вещей.

3. Существование «я»

В третьем Джуссани возвращается к нигилизму и пантеизму и рассматривает их с точки зрения бинама «онтология-этика».

Нигилизм и пантеизм как отрицания разума, как преуменьшенные упрощения реальности, уклоняются от великого человеческого вопроса, который встает вновь и вновь: как получилось, что я есть? Как я устроен? Этот вопрос выявляет онтологический уровень проблемы. «Напротив, нигилистический или пантеистический рационализм сделал упор на этической остроте проблемы, сведя все к утверждению человека [к индивидуалистскому утверждению самих себя], а утверждение человека есть... насилие над собой и над тайной мира».

С этой мыслью связаны три слова, которые описывают таинственное экзистенциальное положение каждого из нас. Как видите, действительно необходимо призывать Духа Святого, чтобы следовать по этому пути! Каждый шаг глубок, но невероятно прекрасен, мощен!

Свобода

Прежде всего отец Джуссани говорит нам нечто удивительное. Человек, как мы видели, является участником (а не «частью») Бога, Который есть всё во всем. Он не часть, не частичка Бога, а причастен к Богу, поскольку получает от Него бытие. Но есть точка, где его бытие «избегает» неминуемой доли участника Бытия: свобода.

Вот подлинная тайна творения: Тайна сотворила что-то, что не отождествляется с Ней. «Свобода – то единственное, что предстает перед разумом как лежащее вне Бога». Конечно, «если Бытие, Бог, – всё, свобода есть признание, что Бог – всё. Тайна пожелала, чтобы наша свобода Ее признавала, Она пожелала породить собственное признание». Она пожелала пойти на этот риск: вот подлинная тайна творения. Только подумайте, какой головокружительно глубокий подход к свободе! Бог сотворил что-то, что может сказать Ему нет, может сказать, что Он не касается повседневной жизни, не касается сегодняшнего прожитого дня, не касается встреч, которые с нами случились, не касается ничего сущего, а касаемся только мы, маленькие или большие служители власти.

Просьба о бытии

Природа человека, то есть сущего по причастности, будучи свободой, выражается в *молитве*, которая с экзистенциальной точки зрения представляет собой просьбу, «просьбу о бытии» [я прошу о том, чтобы быть, и именно поэтому мы в начале обращались к Духу Святому: «*Sine tuo numine nihil est in homine*» – без веленья Твоего нет в нас ничего, ничего здорового, ничего святого, ничего целого]. «Богу угодно, чтобы был тот, кто просит о бытии». И если разобратся, все, что делает человек («едите ли, пьете ли, спите ли, бодрствуете ли»), есть молитва, то есть просьба о бытии. Просьба о свершении.

Поэтому утверждение новичиев, окончательно вступавших в *Memores Domini* («В этом „да“ – свершение моей жизни») – просьба о свершении, всегда просьба: «Приведи Ты мою жизнь к осуществлению, при всей моей хрупкости, приведи меня к свершению, осуществи мое бытие, осуществи то, кем я являюсь».

Грех (выбор чуждого)

Перед просьбой о бытии и наряду с ней есть еще один аспект: грех, выбор чуждого. Грех состоит в непризнании того, что Бог есть всё. «Грех – любая сторона действия, не вытекающая из того, что Бог есть всё».

Как для Адама и Евы это выбор чуждого, чего-то чуждого нашему опыту. Что им было чуждо? Змей, искуситель. «Человек, восставая, прилепляется к реальности, чуждой его бытию, прилепляется к „миру“, как говорит Иисус, то есть к власти». Выбор чуждого в этом: в том, чтобы прилепляться, доверяться чуждому, доверяться чужаку, доверяться тому, кто доминирует, кто лжет, доверяться власти. Вот грех как выбор чуждого.

Так жизнь, вместо того чтобы обретать покой и даже радость, в том числе и в самых печальных ситуациях, превращается в рабство: человек становится рабом мира сего, и – обратите

внимание – чем выше он поднимается, тем очевиднее рабство. Разве тут не описан путь тех, кто в мире добивается высот? Необходима великая простота и великое смирение, каким обладают люди, признающие, что они на своем месте в жизни, а потому в умиротворении. Во время реколлекций одна новиция поделилась со мной таким свидетельством: «Я пошла в парикмахерскую, и девушка, которая меня стригла, сказала: „Я рада, когда ты приходишь, потому что ты такая умиротворенная, ты на своей месте. Я бы хотела быть похожей на тебя“». Быть умиротворенными, утверждая себя, и не уступать ни пяди земли чуждому, чуждости, греху. Представьте человека, который принимает окончательное решение о призвании вот так! Подумайте и о нас! Бог всё во всем, потому что Он имеет отношение к парикмахеру, к настоящему моменту в жизни, к разным ситуациям. В этом конечное, истинное и наиболее крепкое содержание нашего бытия, за которым не нужно далеко ходить.

«Смотрите, сколько господ у тех, кто не желает иметь одного Господа», – говорил святой Амвросий, процитированный отцом Джуссани. Таков итог, к которому ведут нигилизм и пантеизм. Но чуть выше отец Джуссани напомнил нам о положительности тех, кто живет, признавая, что Бог есть всё: «они радостны и находят радость и умиротворение даже в самых печальных ситуациях». Именно об этом написала мне подруга из Испании: «Мне говорят: „Тебе все лучше и лучше“, – и одна подруга, с которой я на днях обедала, не могла поверить, что количество опухолей удвоилось. Я ей сказала: „Для вас быть радостными – значит не иметь проблем, значит, что все идет хорошо“. Миссия совершается в приношении себя самого Христу. То есть любое обстоятельство дано ради моего взросления, и если я живу в единстве с Иисусом, то помогаю Ему в деле искупления». Мы помогаем Ему в деле искупления мира и помогаем друг другу совершать путь новой, инаковой человечности. «Мне бесконечно радостно от уверенности, что моя жизнь чему-то служит, и я не променяю это ни на что другое». Она чувствует себя любимой в своей хрупкости, потому что именно в этих условиях любовь проявляется во всей своей сути, во всей своей силе, во всей близости.

Такому пути мы научились, пребывая в Церкви и в Движении в компании людей, живших ради славы Христовой и шедших по пути святости, которую Церковь признает. Эти люди принадлежат к нашей истории: отец Джуссани, Энцо Пиччинини, Андреа Ацциани, Новелла Скардови, Паоло Барджиджа, Пиджи Бернареджи, Пьер Альберто Бертацци – их очень много, и они свидетельствуют о чуде бытия.

Бог есть всё во всем, и Бог вечен. Бог присутствует в нашей жизни, навсегда обнятой, ни на миг не оставленной. Свобода же в том, чтобы говорить да. Сейчас, в период пересмотра уставов *Memoires Domini* и Братства мы также погружены в историю благодати, удостоившуюся признания Святого Престола и личного уважения Святейшего Отца.

Всем хорошей работы и спасибо за внимание!